

УДК 94(477.75) «1941 /1945»

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРЫМ ГЛАЗАМИ ПОДВОДНИКА: ПРОБЛЕМА ВЫХОДА ИЗ ВОЙНЫ

Постникова Е. Г.

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
Российская Федерация, г. Магнитогорск
E-mail: ekaterinapost@mail.ru*

С позиций современной военно-исторической антропологии и психологии рассмотрены проблемы послевоенного восстановления Крыма и выхода из войны фронтовиков-подводников. Новизна исследования заключается в том, что в научный оборот впервые вводятся уникальные источники – военные и послевоенные (1944–1946 гг.) «крымские» дневники матроса-подводника Северного и Черноморского флотов Сенникова Георгия Ивановича. Показано, что дневники выполняли две важнейшие функции: функцию памяти и психотерапевтическую функцию. Функция памяти реализуется в том, что в дневнике подводника запечатлены характерные черты облика послевоенного Крыма, отражены этапы его восстановления, зафиксированы ключевые события последнего года Второй Мировой войны на Черном море. Психотерапевтическая функция ведения дневника в послевоенные годы проявляется в возможности фиксации и отработки внутренних состояний, связанных с посттравматическим синдромом, послевоенной депрессией и адаптацией фронтовиков к мирной жизни. Анализ послевоенного дневника подводника убедительно показывает, что посттравматический синдром у фронтовиков, участников ВОВ, несомненно, имел место и проявлялся не менее ярко и травматично, чем у участников современных локальных войн, которым принято ставить диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР). Проблему выхода из войны фронтовиков Великой Отечественной войны изучать надо, потому что это-документы фронтовиков содержат не только описание симптомов послевоенной депрессии и посттравматического расстройства, но и фиксируют действенные способы их преодоления, лечения, выработанные послевоенным поколением.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, восстановление Крыма, послевоенный Крым, проблема выхода из войны, посттравматический синдром.

Сражения с немецко-фашистскими захватчиками за полуостров Крым, освобождение Крыма, вклад Черноморского флота в Победу занимают особое место в истории Великой Отечественной войны. Опыт послевоенного восстановления Крыма, как и опыт адаптации фронтового поколения к мирной жизни, преодоления посттравматического синдрома, послевоенной депрессии участниками войны не менее важен для исторической науки. Исследования последних лет, посвященные восстановлению послевоенного Крыма, в основном затрагивают историко-экономический аспект проблемы. В работах Сеитовой Э. И., Гармашовой Е. П., Прошиной В. А. дается оценка ущерба и масштабов разрушений инфраструктуры и хозяйства Крыма, причиненных немецко-фашистскими захватчиками, описываются этапы восстановления Крыма [15; 1]. Еще одним важным аспектом изучения истории восстановления Крыма стало исследование проблемы миграции на полуостров в первые послевоенные годы, изучается динамика изменений в административно-территориальном и демографическом отношениях. Из последних

исследований, посвященных этой проблеме, выделим статьи Сеитовой Э. И. и Сибирякова И. В. [15; 19]. Проблеме меморизации памяти о Великой Отечественной войне в период восстановления Крыма 1944 г. по 1953 г. после немецкой оккупации посвящены исследования Исака И. А., Попова А. Д., Романько О. В. [3; 9]. Отдельный блок исследований посвящен восстановлению социально-культурной жизни Крыма. В работах Непомнящего А. А., Ломакина, Д. И. Бебешко Е. В. освещаются вопросы послевоенного восстановления высших образовательных учреждений Крыма, в частности, Крымского государственного педагогического института имени М.В. Фрунзе и Крымского государственного медицинского института имени И.В. Сталина [5; 6]. Отдельный вопрос – восстановление культурных объектов Крыма, например, послевоенному восстановлению Массандровского дворца посвящены работы Плужник И. В. [8].

О послевоенном восстановлении страны и о фронтовом поколении невозможно говорить, не затрагивая проблему «выхода из войны» (определение Сенявской Е. С.). Е. С. Сенявская отмечает: «Человеку нелегко привыкнуть к войне – к ее опасностям и лишениям, к иной шкале жизненных ценностей и приоритетов. (...) Но и вернуться к спокойному, мирному существованию человеку, прошедшему на фронте хотя бы несколько недель, не менее сложно. Обратный процесс перестройки психики протекает болезненно и порой затягивается на годы» [18]. В современном общественном дискурсе активно обсуждается вопрос поствоенного (посттравматического) синдрома у ветеранов Великой Отечественной войны, о котором в советское время не принято было говорить вообще. Существует мнение, что «наши ветераны ВОВ еще и после войны снимались в комедиях и снимали добрые детские фильмы. И никакого ПТСР (посттравматического стрессового расстройства)» [7]. Другие участники дискуссии с этим мнением категорически не согласны и говорят, что это «миф» [7] и что именно отсроченным посттравматическим синдромом объясняется тот факт, что «после завершения войны немало героев и орденосцев переселилось в тюрьмы и лагеря» [14]. Эта общественная дискуссия вызвана недостаточной проработанностью в современной военно-исторической антропологии вопроса выхода из войны фронтовиков Великой Отечественной войны. По сути, кроме Е. С. Сенявской, никто этим вопросом серьезно не занимался. Этим отчасти объясняется актуальность нашего исследования.

В центре статьи – две проблемы: проблема восстановления Крыма (в историко-культурном аспекте) и проблема выхода комбатантов из войны (в аспекте военно-исторической антропологии и психологии). Два, казалось бы, не связанных друг с другом вопроса в судьбе подводников Северного флота, прошедших Великую Отечественную войну на Баренцевом море и переброшенных в мае 1944 г. в Крым на Черноморский флот, знаменательным образом соединились. Дневник матроса-подводника Г. И. Сенникова позволяет нам взглянуть на послевоенный Крым глазами комбатанта, привыкшего за два года войны к суровым боевым походам на Севере и внезапно очутившегося в только что освобожденном послевоенном Крыму. Война для матросов-подводников фактически закончилась, и перед ними

встал вопрос, что делать после войны и как переживать теперь этот «мир», как в него вписываться. Две выше обозначенные проблемы нашли отражение в дневнике фронтовика, так как соотносятся основными функциями военного дневника: функцией памяти (позволяет запечатлеть образ послевоенного Крыма) и терапевтической функцией (позволяет справиться со стрессом и посттравматическим синдромом, сохранить «человека в себе»).

Материалом для нашего исследования стали эго-документы матроса-подводника Георгия Ивановича Сенникова. Георгий Иванович Сенников родился в Омске 1923 г. Сразу после выпускного в школе в июне 1941 г. добровольцем отправился на фронт. За время войны успел побывать на трех флотах СССР: Тихоокеанском, Северном и Черноморском. В 1941 г. он учился в школе подводного плавания во Владивостоке (Тихоокеанский флот). Получил специальность штурманского электрика. Воевал Георгий Иванович на подводных лодках класса «малютка» ПЛ «М-107» и «М-119» в 1942–1944 гг. на Баренцевом море (Северный флот). В мае 1944 г. несколько «малюток», в том числе ПЛ «М-119», перевели в Крым (Черноморский флот). Демобилизовался Георгий Иванович Сенников в феврале 1947 г. с ЧФ (Фото 1).

Фото 1. Сенников Г. И. Балаклава, 1946 г.

Начиная с 1943 г. и потом всю жизнь Георгий Иванович вел дневники. В семье Сенниковых-Постниковых (г. Магнитогорск) сохранились три тетради (формат А3) военных и послевоенных дневников Георгия Ивановича. Первая тетрадь охватывает события войны на Севере, мы условно назвали ее «северная тетрадь». Вторая тетрадь – Крым (Черноморский флот) – с сентября 1944-го по август 1945 гг. (158 стр.), третья тетрадь – с октября 1945 по май 1946 гг. – Крым, Балаклава (157 стр.). Вторая и третья (крымские) тетради отражают процесс выхода из войны, позволяют отследить проявления посттравматического синдрома, исследовать проблему адаптации фронтовиков к мирной жизни, дают представление о повседневной жизни послевоенного Крыма.

Здесь следует отметить, что когда «малютки» с Севера прибыли на Черноморский флот на базу подводных лодок в г. Балаклава, Крым уже был освобожден от фашистских захватчиков (12 мая 1944 г.). Формально Вторая Мировая война еще не завершилась, но подводники, прибывшие с Северного флота в Крым, оказались в уникальной ситуации «с корабля на бал», а, вернее, «из войны на курорт». Зададимся вопросами: каким Крым увидели подводники СФ? Каковы были их первые впечатления? Какие исторические события, связанные с Крымским полуостровом и Черноморским флотом, зафиксированы в дневнике подводника? Как военные моряки, для которых война внезапно закончилась, вписались в мирное время, переживали ли они посттравматический синдром, послевоенную депрессию и как с ними справлялись?

Первое впечатление североморских моряков, после полугодовой полярной ночи и «чахлых северных березок» впервые увидевших роскошные южные ночи и пышную природу Крыма, – это, конечно, восторг и блаженство.

«Шестаков на руле.¹ Он сидит на крышке нактоуза магнитного компаса. Ноги его заложены за люк. Рукой в перчатке он лениво держится за ручку переключателя. *На морде – блаженство.* Курит и говорит:

Из-за пары растрепанных кос,

С оборванцем подрался матрос...

Вот это вахта! *Где вы, страшные по напряжению походы в Баренцовом море!?*» [13, с. 31].

Впечатление от красоты природы, разноцветья и пьянящего крымского воздуха заставляет фронтовиков утвердиться в мысли, что война закончилась, и дистанцироваться от нее как от чего-то давно прошедшего: «До Золотой балки – три километра. Но что это за путь! Тропинка вьется по дну неглубокого каньона, возле ручья. Пирамидальные тополя упираются в небо, а склоны холмов покрыты, как цветным ковром, бесконечными порослями цветов. Особенно много маков. Местами поляны из-за обилия их горят как огонь. И какой воздух кругом. Как дышится. Неважно, что тропинку там и сям пересекают остатки окопов и под ноги часто попадают ржавые немецкие каски и исковерканные винтовки. *Война была, но*

¹ Шестаков Иван Федорович, 1920 г.р., краснофлотец, рулевой ПЛ «М-119».

была когда-то, и у нас нет никакого желания вспоминать ее. Об этом же говорит нам свежий цветок мака, бойко растущий из дырки в заброшенной немецкой каске» [13, с. 40].

Тепло Черного моря и красота Крыма оказали исцеляющее воздействие на вышедших из войны североморцев настолько сильное, что приглушили посттравматический синдром и смягчили впечатление от разрушений и последствий войны на черноморском побережье. Краснофлотец не сразу увидел, что Севастополь разрушен даже больше, чем Мурманск: «Кажется, только вчера я понял, как зверски разрушен Севастополь. Можно пройти город от одного конца в другой прямо по домам, т.к. они, эти дома, целые кварталы, представляют из себя груды камней и мусора, на которых предприимчивые жители уже протоптали тропинки. Владимирский собор. Перед главным входом – мемориальные доски с именами Нахимова, Корнилова, Истомина. (...) И все это изуродовано, загажено, покрыто пылью. Бронза и позолота содраны. На стенах, рядом с именами великих людей – непристойнейшие надписи и рисунки углем» [13, с. 105]. В другом месте появляется такая запись: «Наша лодка стоит в плавучем доке в маленькой бухте на Корабельной стороне. (...) На крутом берегу залива высятся стены и *металлические переплетения того, что считается городом Севастополем*» [13, с. 43].

Восстановление Севастополя началось сразу же после освобождения города 9 мая 1944 года. Исследователи фиксируют: «Были уничтожены городские коммуникации, транспорт, связь, более 90% построек. Из 6402 жилых домов было полностью разрушено 5379, в центре города осталось 7 полуразрушенных зданий» [1]. В одном из этих чудом уцелевших домов жила девушка Нина, инженер, 21 год, которой увлекся молодой матрос: «Она живет в громадном четырехэтажном доме, из которого немецкая бомба сделала два, уничтожив всю середину. Этот дом населяют люди «высшего общества», инженеры, всякие специалисты и т.д. На матросскую форменку там смотрят весьма неприязненно» [13, с. 46].

Знакомство подводника с Севастополем, его мирными жителями и их послевоенным бытом проходило под знаком первой послевоенной влюбленности, что определяет и выбор характерных деталей, фиксацию бытовых практик и тональность повествования. Вот что описывает подводник: поход в кино с возлюбленной, свидание на Малаховом кургане, чудом сохранившиеся памятники и исторические места города.

К началу летнего сезона 1945 г. на Приморском бульваре был построен летний кинотеатр на 700 мест [1]. В дневнике появляется такая запись: «Кино было под открытым небом. Мы опаздывали к началу и еле нашли местечко, где бы можно было приткнуться» [13, с. 46].

Упоминает подводник и Малахов курган, памятник двух героических оборон г. Севастополь, где проходили самые ожесточенные схватки как Крымской, так и Великой Отечественной войн. Но по началу влюбленный матрос Малахов курган видит и «не видит»: «Ночь на Малаховом кургане. Мы сидели на скамье у памятника погибшему летчику, а у наших ног расстилался весь Севастополь. Но *я не видел его*. Я видел весь мир, всю прелесть вселенной, всю гармонию вещей и

красок, из которых складывается жизнь». Из этой записи видно, что чувство влюбленности и красота Крыма стали в прямом смысле слова лекарством для израненной войной души подводника, помогли ему справиться с посттравматическим синдромом, обычно сопровождающим «выход» комбатанта из войны [13, с. 47]. В другой записи, сделанной позже, состояние Малахова кургана описано точнее и реалистичнее: «На Малаховом кургане – колючая проволока и блиндажи. На стенках казематов – надписи на французском, итальянском и немецком языках. Это общий памятник 1854 и 1941» [13, с. 75].

Несколько записей в Крымском дневнике подводника посвящены Панораме обороны Севастополя. Известно, что здание Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг. было восстановлено только в 1953 году [4, с. 105]. Описывая страшные разрушения в Севастополе, Георгий Иванович отмечает: «Кажется, один музей первой обороны Севастополя только и уцелел на весь город. Или, может быть, он уже восстановлен? (...) Здание Панорамы разбито. А где знаменитое полотно Рубо? Говорят, его вывезли. Хорошо, если так...» [13, с. 74]. Действительно, полотно работы Рубо, о котором упоминается в дневнике, серьезно пострадало в огне. И, несмотря на то, что части картины были вырезаны и вынесены из горящего здания, восстановить его оказалось невозможно, о чем Сенников в 1945 г. знать не мог. И только к 100-летию первой обороны Севастополя живописное полотно воссоздали советские художники.

«На Историческом бульваре возвышается гигантский бронзовый памятник Тотлебену. Но без головы. Любопытно: немцы все памятники увезли. Оставили одного Тотлебена. Не потому ли, что он по национальности немец?» – размышляет автор дневника [13, с. 74]. Отметим здесь, что памятник Эдуарду Ивановичу Тотлебену, созданный в 1903 году, был восстановлен в 1945 году. Судьба этого памятника очень волновала подводника. Уже в последнем, третьем дневнике, относящемся к 1946 г., появляется запись: «В Севастополе, неизвестно, с какими мыслями я слазил к Панораме, чтоб взглянуть, как сделали голову Тотлебену» [13, с. 136].

Будучи культурным человеком, мечтающий стать художником и писателем, молодой подводник с болью фиксирует разрушение культурных памятников и дворцов Крыма: «Сколько дворцов, сколько прекрасных зданий, набережных, парков превращены в бесформенные груды развалин, загажены, исковерканы до неузнаваемости. Здесь, в Крыму, среди обломков дворца, *мы раскопали с Сашкой¹ мраморную голову Венеры*. Мы не знаем, чьей она работы, несомненно только, что большого мастера. Когда-то ей цены не было, сейчас это кусок мрамора. Вот дворец, разгромленный, исковерканный. Высоко поднимаются зубчатые стены с готическими вырезами окон» [13, с. 23]. На данном этапе исследования трудно установить, о каком именно дворце идет речь в этой записи, возможно, о

¹ Елфимов Александр Прокопьевич, 1921 г.р., (в дневнике Г.И. Сашка) – рулевой «М-107». Демобилизовался в 1948 г. В 1962 году он стал членом Союза художников, одним из первых профессиональных художников в Новокузнецке. Посвятил ряд работ подводникам СФ. Самая известная – автопортрет «Подводник» (1974–1985 гг.).

Воронцовском дворце. Голову Венеры, найденную в развалинах дворца, матросы нарисовали. Кто именно сделал этот карандашный рисунок, Георгий Иванович Сенников или его друг Александр Елфимов, не известно, но сам рисунок сохранился (Рис 1.)

Рис.1. Голова Венеры. Балаклава, 1945 г.

Далее в дневнике речь идет о восстановлении этого дворца: «Сейчас на реставрации его работают сотни румынских и итальянских военнопленных. У них жалкий вид: оборванные, грязные, заросшие. Завоеватели! Здание террасами лепится по скале. Здесь масса неожиданных закоулков, увитых плющом, балконов с каменными вазами. Когда-то в них были цветы. Теперь – мусор. Наверху, на горе, –

бывшее поле сражения. Еще недавно здесь грохотали жаркие бои. До сих пор оно осталось таким, каким оно было после сражения. Там все заминировано, и туда никто не ходит. *Трое из нашего экипажа остались там навсегда, поплатившись за излишнее любопытство.* Проволочные заграждения, окопы, разбросанное в беспорядке оружие и ...трупы. Кости в истлевших немецких мундирах, оскаленные черепа в касках. Завоеватели! Здесь нет, кажется, метра квадратного...» [13, с. 23].

Характерными чертами облика послевоенного Крыма, поразившими краснофлотца и зафиксированными в дневнике, являются масштабные разрушения и огромные площади заминированного пространства, где гибли прошедшие всю войну матросы и мирные жители Крыма, и восстановительные работы, отчасти выполняемые военнопленными «завоевателями»: немцами, румынами, итальянцами. «Петропавловская церковь. Низкое длинное здание с колоннадой вокруг всего фасада. Вокруг нее суетятся пленные немцы. Церковь восстанавливается». [13, с. 105]. К разминированию Крыма были привлечены 335-й и 90-й инженерные батальоны Черноморского флота. В период 1944–1945 годов было извлечено 337632 взрывоопасных установок [4, с. 37].

Следы войны: груды искореженной техники, скелеты, мины, разрушенные памятники – зафиксированы в эго-документе Сенникова, например, в записи от 9 мая 1946 г. читаем: «В полутора километрах от Камаров на высокой безлюдной горе стоит башня, полуразрушенная башня. Это Итальянское кладбище – исторический памятник первой обороны Севастополя. Я был сегодня там. (...) Кругом таблички с надписями: «Опасно. Мины». И все-таки я влез в минное поле – длинное пространство земли перед окопами, пересеченное проволокой. В одном месте на ней висел обломленный эбонитовый ударник мины. (...) Я обошел уже больше половины внутреннего четырехугольного двора, когда внимание мое привлек белый человеческий череп, устремивший на меня черный взгляд пустых глазных впадин. Только тогда я с ужасом заметил, что камни, по которым я так хладнокровно ходил, были не камнями, а человеческими костями. Они виднелись всюду, берцовые кости, ребра, обломки черепов, белые кисти рук, еще, казалось, сжимавшие ружейные приклады и ручки гранат, в изобилии валяющиеся тут же. Небольшой колодец и подземелье под башней были набиты скелетами доверху. Яркий блеск солнца над головой. Мертвая тишина кладбища. И эти тысячи скелетов вокруг. Мне стало жутко. Часовня. Крыша здания снесена, а белый камень стен густо исцерблен пулями. Небольшая четырехугольная комната внутри. Напротив входа – алтарь с черным мраморным крестом. И алтарь, и крест разбиты. Мраморные доски по краям алтаря с именами видных итальянцев: «Генерал-кавалер Фердинандо...». И всюду цифра 1856. Но цифры 1941–1945 затмили все, хотя и не были нигде начертаны. В полуобрушенном блиндаже – скелет в немецкой стальной каске. В прорехи истлевого мундира видны кости ребер. Но пальцы рук все еще держатся за ручки пулемета» [13, с. 134–135]. В дневнике матроса сохранилась фотография разбитой часовни Итальянского кладбища и рисунок скелета в немецкой каске (Рис. 2).

Рис. 2. Страницы «крымского» дневника Г. И. Сенникова, май 1946 г.

В эго-документе матроса-подводника зафиксирован первоначальный этап меморизации памяти о Великой Отечественной войне в Крыму. В том, как описывает подводник Корабельную бухту, чувствуется поклонение еще свежим могилам, уже ставшим «святыми»: «Рядом с доком из зеленой глубины бухты поднимаются оружейные башни и мостики затопленного эсминца. Немного дальше – трубы и мачты большого транспорта. Эти остатки кораблей и разрушенные корпуса завода создают впечатление кладбища, по которому ходишь с невольным благоговением. Здесь царит тишина, и трудно представить себе, что так недавно здесь все грохотало и вздрагивало в клубах огня и дыма» [13, с. 43].

Как отмечает Исак И. А., на первом этапе меморизации памяти о Великой Отечественной войне в Севастополе (1944–1953 гг.) основная инициатива исходила от военнослужащих армии и флота» [3, с. 48]. Матрос не только описывает и делает рисунок уже созданных памятников, посвященных отгремевшей войне, например, памятника таманцам, но создает собственный эскиз памятника подводникам Великой Отечественной войны, откликнувшись на инициативу командования ЧФ. И рисунок памятника таманцам, и эскиз памятника подводникам сохранились в дневнике Сенникова.

В 1944 году по проекту скульптора Т. П. Погосяна, инженера В. Р. Коптева на Безымянной высоте на юго-западной окраине города установлен памятник воинам

242-й Таманской Краснознаменной ордена Кутузова II степени горно-стрелковой дивизии. Во время одной из очередных «вылазок в горы» с друзьями-подводниками и Анной Сергеевной – женой командира подводной лодки – Георгий Иванович сделал акварельный рисунок памятника, а в дневнике появилась такая запись: «Сидели, болтали... Я рисовал памятник. А. С. ругала нас с Сашкой, когда мы принимались ковыряться в немецких гранатах и минах. Как мать. Борька дринькал на гитаре...» [13, с. 91]. На рисунке надпись: «Январь 1946. Балаклава. На сопке возле памятника таманцам» (Рис. 3).

*Рис. 3. Памятник таманцам.
Рисунок Сенникова Г. И. Крым, 1945 г.*

Последняя запись послевоенного крымского дневника посвящена работе над эскизом памятника погибшим подводникам: «На бригаде объявили конкурс на памятник погибшим подводникам. Я не утерпел, тоже ввязался. Зачем? Мало полярного урока? Мой проект был до дьявола прост: бронзовая лодка в ажурных мраморных волнах. Постамент – тоже из мрамора (Благо, в Балаклаве – его хоть

отбавляй. Ведь и мавзолей Ленина сделан из Балаклавского мрамора). На трех сторонах постамента – барельеф – картины из боевой жизни подводников: торпедирование транспорта, среди мин и т.д. На четвертой – текст. Лодку могли отлить в любой мастерской. Вылепить барельеф брались мы с Сашкой. Проект расхвалили и...отказали. Мотивировка: слишком сложен и дорогостоящ! Взяли другой – цементный обелиск. Это, конечно, дешевле. Но где их только не наткано, этих обелисков! Зато дешево! (...) Вот и в Полярном тоже обелиск воткнули. Кербель¹ не мог постараться. А ведь он здорово лепил! «Боевые знамена склоните у святых могил...» [13, с. 138] (Рис. 4).

Рис. 4. Сенников Г. И. Эскиз памятника погибшим подводникам. Крым, 1946

Одна из основных функций военных дневников – функция памяти, проявляющаяся, в том числе, в фиксации исторических событий, вольным или невольным участником или свидетелем которых оказался дневниковед [10, с. 626]. Самым значительным историческим событием, свидетелем которого стали

¹ Кербель Лев Николаевич – советский и российский скульптор, педагог, профессор. Вице-президент Академии художеств СССР с 1988 по 2003 год. Лев Кербель был призван на Северный флот, где служил военным художником.

подводники Черноморского флота, была Ялтинская конференция, состоявшаяся в феврале 1945 г. в Крыму. В дневнике матроса Сенникова этому событию посвящена очень небольшая запись, написанная короткими лаконичными фразами: «Ялтинская конференция. Рузвельт и Черчилль в Балаклаве. Меня чуть не разодрали на части из-за бинокля. Мое знакомство с командующим военно-морским флотом адмиралом Кузнецовым. И печальный итог знакомства в виде выговора комдива» [13, с. 76]. В чем именно провинился матрос и за что получил выговор, он не уточняет.

Из других значимых событий последнего года войны на Черном море в дневнике упомянуты разгром румынского флота и победа над Болгарией. В декабре 1944 года Сенников пишет о возвращении сил Черноморского флота из Румынии («не операция, а потеха») и плавбазе «Констанца», которую «привели с собой» [13, с. 24]. А осенью 1945 г. появляется запись о передаче королю Михаю I остатков румынского флота [13, с. 73–74, 80].

Еще раньше, 10 сентября 1944 года, в дневнике появляется запись о капитуляции Болгарии: «В один из таких вечеров он (Женька-радист) сообщает нам о капитуляции Болгарии – последнего очага войны на Черном море. Это действует на нас странно: *мы радуемся и в то же время с недоумением спрашиваем друг друга, с кем же мы теперь воевать будем? Не воевать – состояние для нас просто непонятное*» [13, с. 13]. Скорее всего, в сообщении шла речь о государственном перевороте и создании правительства Отечественного фронта 7 сентября 1944 г., хотя в любом случае Болгария вышла из войны с СССР.

Эта запись для нас очень важна и показательна еще по одной причине. В ней, пожалуй, впервые автор обозначает проблему, вставшую перед подводниками, а что дальше («с кем мы теперь воевать будем»), и фиксирует состояние непонимания, растерянности перед наступающим послевоенным «завтра» («*не воевать – состояние для нас просто непонятное*»). Здесь мы сталкиваемся с проблемой, которую специалисты по военно-исторической антропологии и психологии обозначают как проблему «выхода комбатантов из войны». По утверждению Е. С. Сенявской: «Проблема «выхода из войны» не менее, а быть может, и более сложна, чем проблема «вхождения» в нее» [16, с. 91].

В Крымском дневнике Сенникова есть один парадокс: восторженные описания южной природы сопровождаются фиксацией состояния «душевной боли». Вот характерная запись: «А по ночам... выйдешь на палубу – там теплая южная ночь, синее небо с яркими рубинами звезд и бесконечная гладь моря. Лунная дорожка сверкает до самого горизонта. На «Эльбрусе» крутят радиолу, и по всему рейду разносятся звуки гавайской гитары. *А в душе – боль*» [13, с. 20]. Можно утверждать, что состояние «душевной боли» – одно из лейтмотивных в дневнике наряду с радостью от победы и восторгом от жизни. Настроения восторга и эйфории вдруг сменяются депрессией и упадком сил.

Ощущение «душевной боли» преследует подводника. Появляется оно всегда неожиданно и, казалось бы, без повода. Но больше всего «боли» в описании впечатлений от отпуска в родном городе. В июле 1945 г. Г. И. Сенников получил месячный отпуск и отправился из Крыма в родной город Омск. Впечатления от

этого отпуска он записал в дневнике в августе 1945 г. : «Только что я вернулся из поездки в Омск. Я был там не миг, а почти целый месяц. Рад я? Доволен? Нет! *Новое разочарование, новая боль – больше ничего*» [13, с. 57]. И еще раз: «Видеть и слышать все это было мучительно больно» [13, с. 58]. И снова: «*Больно было так, как ни разу на фронте за все самые тяжелые годы*» [13, с. 59].

Состояние, переданное в дневнике автором, очень напоминает посттравматический синдром или послевоенную депрессию, «болезненные реакции человеческой психики на травмирующие явления войны, как правило проявляющиеся отсроченно, уже в мирной обстановке, и имеющие пролонгированный, долговременный характер» [17, с. 48]. Одним из следствий такого состояния является «ощущение себя отделенными или отверженными от окружающей среды, в той или иной форме и степени отторгающей фронтовиков как нечто чужеродное, вызывающее дисбаланс, неприятие и даже страх» [17, с. 48]. Посмотрим, как сам автор дневника объясняет причины «этой боли».

Одно из самых неприятных впечатлений фронтовика от жизни послевоенного, находившегося в глубоком тылу города «мелочность» и «торгашеский» характер бытовых взаимоотношений «мирных» людей, и даже, как ему показалось, «потребительское» отношение к вернувшимся с войны: «Люди превратились в мелких коммерсантов, обывателей, весь интерес которых сводился к сегодняшнему обеду. На танцевальных площадках знакомых мне с детства садов верховодили какие-то молодые люди в бостоновых костюмах и с сытыми физиономиями, не нюхавшие пороха, но державшиеся тем не менее с самым нахальным видом. А сколько безобразных сцен увидел я! Сколько мужчин, вернувшихся с фронта, нашли возле жен занятое место. Я собственными ушами слышал, как одна из этих паскуд заявила: «Для кого День победы праздник, а для меня – горе. Я думала, война еще будет продолжаться и моего еще ухлопают где-нибудь, а он живой вернулся!». Приехавших из Германии встречали с распростертыми объятиями, но не боевыми делами интересовались, а количеством чемоданов, которые он привез с собой» [13, с. 58].

Болезненное открытие – недооцененность подвига фронтовиков: «И никто не думал о том, что *ведь я и подобные мне своей кровью и жизнью дали ему эту возможность*». «*Война кончилась, и слишком многие постарались забыть ее поскорей*» [13, с. 59]. «Мне было скучно и тошно. Омская обстановка погрузила меня в какое-то *оцепенение*, из которого ничто, даже она, не могла меня вывести. *Не так я представлял себе все это. Не к тому стремился...*» [13, с. 61].

Из эмоций и ощущений, характерных для посттравматического синдрома и послевоенной депрессии, самые постоянные (лейтмотивные): больно, скучно, тошно, опустошенность страшная, растерянность, оцепенение, ощущение изменений окружающего мира в худшую сторону, потеря интереса к жизни и желания стремиться к чему-либо. Читаем в дневнике: «*Опустошенность страшная. И не только в душе, но и во всем теле, во всем существе. Все изменилось, все стало хуже. Хуже – вот что самое страшное. Может быть, это своеобразный закат нашей жизни, может быть, все именно к этому и должно идти?*» [13, с. 61]. Окружающая

**ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРЫМ ГЛАЗАМИ ПОДВОДНИКА:
ПРОБЛЕМА ВЫХОДА ИЗ ВОЙНЫ**

послевоенная действительность вызывает у вернувшегося с войны человека растерянность, появляются сомнения в своем психическом состоянии и умственном развитии: «Ничего не понять. А может быть, я просто идиот?» [13, с. 61]. Действительность буквально убивает: «Это убило меня до такой степени, что пропал всякий интерес стремиться к чему-то еще» [13, с. 61].

*Страницы из крымского дневника Сенникова Г. И. Тетрадь 2.
С. 62–64. Апрель 1944 г.*

Также для послевоенной депрессии характерно чувство вины и одновременно зависти к тем, кто погиб. В дневнике подводника появляется страшная мысль: «Но тогда жизнь – подлейшая и скучная штука, и те, что остались там и никогда не вернутся, счастливее нас...» [13, с. 61].

С облегчением воспринимает фронтовик возвращение на Черноморский флот, в Крым, к своим боевым товарищам, под защиту «матросского братства». Но и в Крыму чувство одиночества, противопоставленности моряков-подводников мирному послевоенному обществу иногда прорывается в записях матроса. Так, например, в один из моментов Георгий Иванович пишет о своей зависти к девушке, с которой познакомился в городе и которая вернулась домой, к маме, ложится спать в своем доме в свою постель, а «мы... Мы пойдем на нашу подводную лодку, холодную и сырую, как гроб» [13, с. 84]. Восприятие лодки как гроба встречалось и

во фронтовом северном дневнике матроса, но если там оно связано со страхом смерти, своеобразной инициацией, то сейчас дневниковед этой ассоциацией подчеркивает чувство одиночества [11, с. 193]. Уютный мир остается на берегу, а они – подводники – опять одни в этом Черном холодном море, никому не нужные, оторванные от земли. Читаем в дневнике Сенникова: «На душе пусто и холодно. Чувствуешь себя каким-то заброшенным, забытым, одиноким. Где-то там, в темноте, далеко-далеко земля. Кто-нибудь сейчас там танцует в ярко освещенном зале, беззаботно болтает, смеется. У них нет на душе этой тяжести, мышцы и нервы их не напряжены до такого предела, и вряд ли кто-нибудь вообще думает сейчас о крошечном кораблике, одиноко болтающемся в штормовом холодном море» [13, с. 84].

Рис. 5. Страницы из крымского дневника Сенникова Г. И. апрель, 1946 г.

Хотя, конечно, не принято было говорить о посттравматическом стрессовом расстройстве у участников Великой Отечественной войны, да и сам этот диагноз ПТСР появился намного позднее и ставится участникам современных локальных войн Афганской, Чеченской и др., тем не менее сам синдром у фронтовиков, участников ВОВ, несомненно, был и проявлялся не менее ярко и травматично. Характерными следствиями посттравматического стрессового расстройства можно

считать пьянство, дебоширство, агрессивное поведение, череду самоубийств и вообще «глупых» смертей после войны. В послевоенном дневнике Георгия Ивановича немало свидетельств проявления посттравматического синдрома и его следствий в среде матросов Черноморского флота. Приведем здесь всего одну запись: «В это время на кораблях началось вообще что-то страшное. Не проходило ночи, чтоб на лодки не притаскивали целые кучи мертвецки пьяных матросов и, что еще хуже, избитых до потери сознания. Однажды ночью на «Львов» принесли троих матросов. На каждом из них было до десятка ножевых ран (...) Целые дни мы обычно болтались в море (к счастью) с утра до вечера. После пьяных бессонных ночей все выглядит бледно. Головы сами собой клонились на маховики и штурвалы приборов. Бесчисленные тревоги выматывали остатки сил. Но лишь только по радио получали сигнал конца учений и на горизонте всплывала узкая полоса Колхиды, усталости как не бывало. Все начинали деятельно готовиться к предстоящему бедламу. Очевидно, это дух недалекой демобилизации действовал так разлагающе. Иначе что?» Рисунок к этой записи сохранился (рис. 5) [13, с. 111]. Отметим здесь, что большинство записей, связанных с неуставными отношениями, алкоголем, агрессией и общением с женщинами «легкого поведения», относятся к пребыванию лодки в порту города Поти, а не Балаклавы или Севастополя [12, с. 2039].

Праздник в Севастополе (?) Крым, 1945–46 гг.

По причине отсутствия профессиональной психологической помощи «лечились» подводники сами, чем могли. Приглушить постравматичеий синдром помогала природа Крыма. Матрос фиксирует терапевтическое воздействие «пикников», которые иногда устраивала команда подводной лодки, например, подробно рассказывает о походе на Айю: «Решили пойти на Айю, т.к. путь здесь короче, да и суше – скалы. (...) Ах, какое чудесное чувство переживали мы в тот вечер! Все окружающее было каким-то воздушным, сказочным. В душе не прекращал звучать целый симфонический оркестр, были бы крылья, взлетел бы над этой райской землей» [13, с. 65–66]. Другими интуитивно найденными «лекарствами» для Сенникова были творчество, чтение и ведение дневника: «Внизу, под обрывом скалы, почти у самой воды, я облюбовал себе укромное местечко и целыми днями пропадаю здесь. Со мной – неизменные мои спутники: книги и краски» [13, с. 12].

Сенников Г. И. Крым, 1945–1946 гг.

Говоря о матросском братстве, невозможно не упомянуть о матросском юморе («травле матросской») как об универсальном «лекарстве» от страха и депрессии. Фронтные тетради Сенникова являются кладезем матросского юмора, благодаря

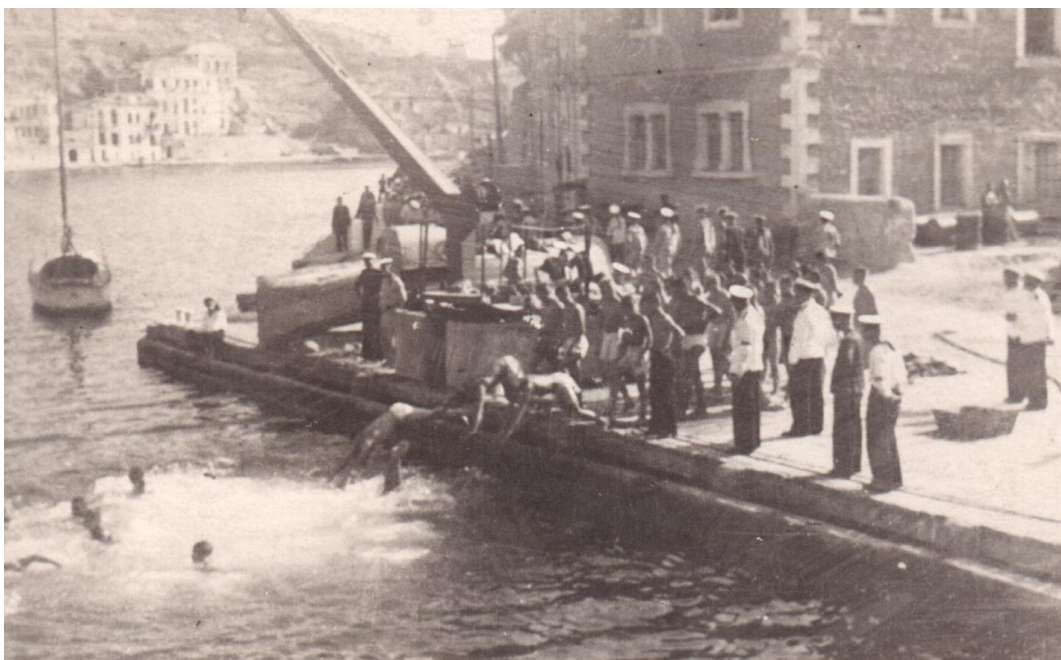
чему чтение их оставляет очень светлое впечатление, несмотря на трагичность описываемых автором событий и состояний. Юмор, как заметила Е. Емельянцева, всегда играет важную роль в поведенческих нормах подводников [2, с. 493]. Остроумно описаны курьезные ситуации, которые случались с лодкой и матросами в Крыму. Рядом с героическим и пафосным существует курьезное и смешное. Этот контраст особенно любит подмечать молодой моряк. Вот лишь один характерный рассказ «7 ноября 1945 г. Парад в Севастополе. Стоим на якоре в Южной бухте, в линии подводных лодок, выстроенных для парада. Место наше – самое классическое, метрах в 50-ти от бульвара, напротив памятника Погибшим кораблям. Наши мальчики уже успели наладить беспроводную связь с бульваром (он до отказа забит севастопольцами, пришедшими взглянуть на морской парад). Бухта опять полна кораблями. Вся Северная забита громадами крейсеров и линкора, Южная – миноносцами и МО. Мы расположились на выходе, и прямо на корме у нас стоит красавец «Рион» – трехмачтовый парусник. (...) Парад был сегодня утром. Корабли обходил командующий на катере. Стреляли. Орал. Потом в бухту, как ретивые кони, на полном ходу влетели болгарские торпедные катера. (...) подняли громадную волну, стоившую нам многих хлопот.

Мы стояли строем на палубе, придерживаясь за спиной руками о леер. Волной от катеров лодку раскачало. Мы непроизвольно навалились на леер, и он лопнул. Весь экипаж, как по команде, взмахнув в воздухе ногами, оказался за бортом в ледяной воде. Картина, вероятно, была потрясающей и вызвала бурю восторга на берегу. Из всей команды на палубе остались только я (т.к. держался за стойку антенны, т.е. был крайним) и Ромка (он был правофланговым и стоял у ограждения рубки).¹ Дальнейшее было как в кино. Я пытался поймать за ногу акустика, который висел вниз головой, потому что за вторую ногу его плотно держал лопнувший трос. Он яростно колотил свободной ногой по корпусу лодки и пускал пузыри. Ромка с помощью багра выуживал остальных. Кто-то утопил сапог. Кто-то, уже выбравшись на палубу, снова нырнул подбирать плавающие на воде бескозырки. А берег орал, улюлюкал и задыхался в хохоте. (...) Потом куда бы мы ни пришли, всюду одни и те же разговоры о том, что подводники сегодня показали класс подводного плавания» [13, с. 86].

Подведем некоторые итоги. Анализ военного и послевоенного (с октября 1944 по май 1946 гг.) «крымских» дневников матроса-подводника Сенникова показал, что эго-документы выполняли две важнейшие функции: функцию памяти и психотерапевтическую функцию. Функция памяти реализуется в том, что в дневнике подводника запечатлены характерные черты облика послевоенного Крыма, отражены этапы его восстановления, зафиксированы ключевые события последнего года Второй Мировой войны, связанные с Черным морем. Типичными внешними атрибутами облика послевоенного Крыма, поразившими краснофлотца и запечатленными в его дневнике, являются масштабные разрушения городской

¹ Сорокин Роман Романович, 1920 г.р. – электрик 3-го класса ПЛ «М-114» (в дневнике Ромка).

застройки и исторических памятников (Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг., Владимирского собора, Итальянского кладбища, дворцов Крыма), огромные площади заминированного пространства, неубранная с улиц городов техника и трупы (скелеты) на местах ожесточенных боев, восстановительные работы, отчасти выполняемые военнопленными «завоевателями»: немцами, румынами, итальянцами. В эго-документе матроса-подводника зафиксирован первоначальный этап меморизации памяти о Великой Отечественной войне в Крыму. В «крымском» дневнике подводника отмечены исторические события, вольным или невольным участником или свидетелем которых оказался дневниковед: Ялтинская конференция, разгром румынского флота и победа над Болгарией, передача королю Михаю I остатков румынского флота.

Праздник в Балаклаве (?). Крым, 1945–1946 гг.

Психотерапевтическая функция ведения дневника в послевоенные годы проявляется в возможности фиксации и отработки внутренних состояний, связанных с посттравматическим синдромом, послевоенной депрессией и адаптацией фронтовиков к «мирной» жизни. Анализ послевоенного дневника подводника убедительно показывает, что посттравматический синдром у фронтовиков, участников Великой Отечественной войны проявлялся не менее ярко и травматично, чем у участников современных локальных войн, которым принято ставить ПТСР. Характерными следствиями посттравматического стрессового

расстройства можно считать пьянство, дебоширство, агрессивное поведение, случаи самоубийств и «глухих» смертей среди фронтовиков после войны. Настроения восторга от Победы и эйфории от мира вдруг сменяются депрессией и упадком сил. Из эмоций и ощущений, характерных для посттравматического синдрома и послевоенной депрессии, самыми постоянными (лейтмотивными) являются ощущение душевной боли, скука, «опустошенность страшная», растерянность, оцепенение, ощущение изменений окружающего мира в худшую сторону, потеря интереса к жизни и желания стремиться к чему-либо. Также для послевоенной депрессии характерно чувство вины и одновременно зависти к тем, кто погиб, и болезненное открытие – недооцененность подвига фронтовиков.

Проблему «выхода из войны» фронтовиков Великой Отечественной войны изучать надо хотя бы для того, что эго-документы фронтовиков содержат не только описание симптомов послевоенной депрессии и ПТСР, но и фиксируют действенные способы их преодоления, лечения, выработанные послевоенным поколением.

Список использованных источников и литературы

1. Гармашова Е. П., Прошина В. А. Послевоенное восстановление социально-культурной жизни г. Севастополь // Электронный научный журнал «Дневник науки». – 2022. – № 5. – URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2022/5/history/Garmashova_Proshina.pdf (Дата обращения: 29.03.2023).
Garmashova E. P., Proshina V. A. Poslevoennoe vosstanovlenie social'no-kul'turnoj zhizni g. Sevastopol' // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Dnevnik nauki». – 2022. – № 5. URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2022/5/history/Garmashova_Proshina.pdf (Data obrashhenija: 29.03.2023).
2. Емельянцева Е. Лаборатории "биороботов": техника и эмоции на атомной подводной лодке (1960–1980-е годы) // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / сб. статей под ред.: Плампер Я., Шахадат Ш., Эли М. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 480–501.
Emel'janceva E. Laboratorii "biorobotov": tehnika i jemocii na atomnoj podvodnoj lodke (1960–1980-e gody) // Rossijskaja imperija chuvstv. Podhody k kul'turnoj istorii jemocij / sb. statej pod red.: Plamper Ja., Shahadat Sh., Jeli M. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. –S. 480-501.
3. Исак И. А. Меморизация событий Великой Отечественной войны в послевоенном Севастополе в 1944–1953 г. // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения России: к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. материалы региональной научно-практической конференции. – Симферополь, 2020. – С. 46–50.
Isak I. A. Memorizacija sobytij Velikoj Otechestvennoj vojny v poslevoennom Sevastopole v 1944–1953 g. // Aktual'nye voprosy istorii, istoriografii i istochnikovedenija Rossii: k 75-letiju Pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne. materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Simferopol', 2020. – S. 46–50.
4. Моторин Д. К. Возрожденный Севастополь : Очерки о восстановлении города, 1944–1953 гг. / Д. К. Моторин ; Отв. ред. Н. К. Проскуряков. – Москва: Наука, 1984. – 271 с.
Motorin D. K. Vozrozhdenyj Sevastopol' : Ocherki o vosstanovlenii goroda, 1944–1953 gg. / D. K. Motorin ; Otv. red. N. K. Proskurjakov. – Moskva : Nauka, 1984. – 271 s.
5. Непомнящий А. А. Ломакин Д. И. Бебешко Е. В. «Работали несмотря ни на что»: Крымский государственный педагогический институт имени М.В. Фрунзе в годы Великой Отечественной войны: по материалам фондов государственного архива Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 3. – С. 84–105.

Nepomnjashhij A. A. Lomakin D. I. . Bebeshko E. V. «Rabotali nesmotrja ni na chto»: Krymskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut imeni M.V. Frunze v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: po materialam fondov gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – Т. 4 (70). – № 3. – S. 84–105.

6. Непомнящий А. А. Ломакин Д. И. «Преодолевая нечеловеческие трудности»: крымский государственный медицинский институт имени И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны (по документам из государственного архива Российской Федерации) // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 103–127.

Nepomnjashhij A. A. Lomakin D. I. «Preodolevaja nechelovecheskie trudnosti»: krymskij gosudarstvennyj medicinskij institut imeni I.V. Stalina v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po dokumentam iz gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. – 2020. – Т. 25. – № 2. – S. 103–127.

7. О мифе об отсутствии посттравматического синдрома у солдат Великой Отечественной. Дискуссия. // Живой журнал (Официальный сайт). URL: <https://lewhobotov.livejournal.com/970181.html> (дата обращения: 10.08. 2022).

O mife ob otsutstvii posttravmaticheskogo sindroma u soldat Velikoj Otechestvennoj. Diskussija. // Zhivoj zhurnal (Oficial'nyj sajt). URL: <https://lewhobotov.livejournal.com/970181.html> (data obrashhenija: 10.08. 2022).

8. Плужник И. В. Массандровский дворец в послевоенный период (1940–1950) // Крымский архив. – 2016. – №2 (21). – С. 85–95.

Pluzhnik I. V. Massandrovskij dvorec v poslevoennyj period (1940-1950) // Krymskij arhiv. – 2016. – №2 (21). – S. 85-95.

9. Попов А. Д., Романько О. В. Памятники великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 2 (179). – С. 55–62.

Popov A. D., Roman'ko O. V. Pamjatniki velikoj Otechestvennoj vojny v pozdnij sovetskij period: mnogoobrazie social'nyh funkcij i praktik // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 2 (179). – S. 55-62.

10. Постникова Е. Г., Волкова В. Б. Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника // QuaestioRossica. – Т. 8. – 2020. – № 2. – С. 623–638.

Postnikova E. G., Volkova V. B. Jeto moj mir: frontovye dnevniki matrosa-podvodnika // QuaestioRossica. – Т. 8. – 2020. – № 2. – S. 623–638.

11. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е. Страхи подводников Великой Отечественной войны (по материалам дневника Матроса Северного флота Г.И. Сенникова // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22. – № 4(202). – С. 190–207.

Postnikova E. G., Ljubeckij A. E. Strahi podvodnikov Velikoj Otechestvennoj vojny (po materialam dnevnika Matrosa Severnogo flota G.I. Sennikova // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. – Serija 2: Gumanitarnye nauki. – 2020. – Т. 22. – № 4(202). – S. 190–207.

12. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е., Сенникова К. Г. Женщина и любовь на войне во фронтовом дневнике матроса-подводника: гендерно-антопологический аспект // Манускрипт. – 2021. – Т.14. – № 10. – С. 2033–2046.

Postnikova E. G., Ljubeckij A. E., Sennikova K. G. Zhenshhina i ljubov' na vojne vo frontovom dnevnike matrosa-podvodnika: genderno-antopologicheskij aspekt // Manuskript. – 2021. – Т.14. – № 10. – S. 2033–2046.

13. Постникова Е. Г. «Мы – подводники»: военные дневники матроса-подводника СФ Г. И. Сенникова. В 2-х т. – Т. 2. – Магнитогорск: «МГТУ им. Г. И. Носова», 2021. – 344 с.

Postnikova E. G. «My – podvodniki»: voennye dnevniki matrosa-podvodnika SF G.I. Sennikova. V 2-h tt. – Т. II. – Magnitogorsk: «MGU im. G. I. Nosova», 2021. – 344 s.

14. Посттравматический синдром у ветеранов. Дискуссия // Живой журнал (Официальный сайт). URL: <https://users.livejournal.com/-zmei/217789.html> (дата обращения: 10.08. 2022).

Posttraumatischeskij sindrom u veteranov. Diskussija. // Zhivoj zhurnal (Oficial'nyj sajt). URL: <https://users.livejournal.com/-zmei/217789.html> (data obrashhenija: 10.08.2022).

15. Сеитова Э. И. Послевоенный Крым: административно-территориальное устройство и демография // Пространство и время. – 2014. – №2(16). – С.181–188.

Seitova Je. I. Poslevoennyj Krym: administrativno-territorial'noe ustrojstvo i demografija // Prostranstvo i vremja. – 2014. – №2(16). – С.181–188.

16. Сенявская Е. С. Психология комбатантов и посттравматический синдром // Е.С. Сенявская / Психология войны в XX в.: исторический опыт России. – Москва, 1999. – С. 91–98.

Senjavskaja E. S. Psihologija kombatantov i posttraumatischeskij sindrom // E.S. Sinjavskaja / Psihologija vojny v XX v.: istoricheskiy opyt Rossii. – Moskva, 1999. – S. 91–98.

17. Сенявская Е. С. «Потерянное поколение» в войнах России XX века: исторический аспект // Психология реабилитации участников боевых действий: учебное пособие/ Под общ. ред А. Г. Караяни, М. С. Полянского. – М.: Военный университет, 2003. – С. 45–49.

Senjavskaja E. S. «Poterjannoe pokolenie» v vojnah Rossii XX veka: istoricheskiy aspekt // Psihologija reabilitacii uchastnikov boevyh dejstvij: uchebnoe posobie/ Pod obshh. red A.G. Karajani, M.S. Poljanskogo. – M.: Voennyj universitet, 2003. – S. 45–49.

18. Сенявская Е. С. Психология комбатантов и посттравматический синдром // Войны XX столетия: социальная роль, идеология, психология. URL: <https://his.1sept.ru/articlef.php?ID=199904303> (дата обращения: 10.01.2022).

Senjavskaja E. S. Psihologija kombatantov i posttraumatischeskij sindrom // Vojny XX stoletija: social'naja rol', ideologija, psihologija. URL: <https://his.1sept.ru/articlef.php?ID=199904303> (data obrashhenija: 10.01.2022).

19. Сибиряков И. В. Восстановление советского Севастополя и проблемы культурно-исторической адаптации его новых жителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т.19. – №2. – С. 48–54.

Sibirjakov I. V. Vosstanovlenie sovetskogo Sevastopolja i problemy kul'turno-istoricheskoy adaptacii ego novyh zhitelej // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. – 2019. – Т.19. – №2. – С. 48–54.

Postnikova E. G. Post-war Crimea from the eyes of a submarine sailor: the problem of «exit» from the war

The aim of the article is to study through the lens of military-historical anthropology and psychology such problems as the post-war renewal of Crimea and the «exit» of submarine sailors from the war. The study is novel in that it introduces into the science discourse unique war and post-war sources (1944–1946) – «Crimea» diaries by Georgiy Ivanovich Sennikov, the submarine sailor of the Northern and Black Sea Fleets. It is clear from the conclusion that the diaries have performed two important functions: the memory function and psychotherapeutic one. The memory function is realized in the fact that the diary of the submarine sailor captures the characteristic features of the post-war Crimea and reflects the stages of its reconstruction. The diary keeps the key events of the last year of the World War II on the Black Sea. The psychotherapeutic function of the diary lies in the opportunity of fixation and working out of the internal conditions associated with the battle fatigue, post-war depression and adaptation of the veterans to a «peaceful» life. The analysis of the post-war diary of the submarine sailor convincingly shows that there was the battle fatigue among the soldiers of the Great Patriotic War and it showed itself no less vividly and traumatically than among the participants of modern local wars, who are usually diagnosed post-traumatic stress disorder (PTSD). The problem of «exit» of soldiers of the Great Patriotic War from the war must be studied, because the ego-documents of the soldiers contain not only the description of the symptoms of the post-war depression and post-traumatic disorder, but also record developed by the post-war generation ways to overcome and treat them.

Keywords: the Great Patriotic War, renewal of Crimea, post-war Crimea, the problem of getting out of the war, battle fatigue.